

НОВЫЯ ДАННЫЯ РУССКАГО ЭПОСА

ИЗЪ ЗАОНЕЖЬЯ.

Нельзя не радоваться, что изученіе русскаго народнаго эпоса въ томъ краѣ, гдѣ онъ сохранился въ такой поразительной свѣжести, въ олонецкой губерніи, постоянно привлекаетъ къ себѣ новыя дѣятельныя силы. Между тѣмъ какъ П. Н. Рыбниковъ, открывшій тамъ драгоцѣнный рудникъ народнаго творчества, и Е. В. Варсоѣвъ, также не мало потрудившійся надъ собираніемъ его памятниковъ, покинули Заонежье, а А. Ф. Гильфердингъ сошелъ въ могилу въ то самое время, какъ горячій интересъ къ драгоцѣннымъ остаткамъ старины увлекъ его во вторичную поѣздку для ихъ розысканія,—нашелся еще одинъ почтенный мѣстный дѣятель, который обратилъ вниманіе на тотъ же предметъ. Мы говоримъ о К. М. Петровѣ. Имя его уже не разъ встрѣчалось въ памятныхъ книжкахъ олонецкой губерніи подъ статьями этнографическаго содержанія, а въ недавнее время имъ напечатана въ Олонецкихъ губернскихъ вѣдомостяхъ (1875 г. № 81) небольшая статья о встрѣчѣ съ двумя сказителями былинь, которые не были извѣстны прежнимъ собирателямъ, трудившимся въ Заонежьи. Содержаніе этой замѣтки заслуживаетъ полнаго вниманія лицъ, интересующихся русскою народною словестностью, и потому намъ казалось не лишнимъ перенести на страницы Древней и Новой Россіи данныя, сообщаемыя г. Петровымъ въ малоизвѣстной провинціальной газетѣ.

Еще въ шестидесятыхъ годахъ г. Петровъ слышалъ въ Петрозаводскѣ, какъ крестьянинъ Щеголенокъ, одинъ изъ сказителей, отъ которыхъ записывалъ былины П. Н. Рыбниковъ, пѣлъ въ небольшомъ кружкѣ любителей былину про Никиту Романовича и стихъ о книгѣ Голубиной. Но сбивчивость пѣнія Щеголенка, вставка въ былину эпизодовъ, постороннихъ ея содержанію, словесныя объясненія въ замѣнъ забытыхъ стиховъ, все это не нравилось г. Петрову, и потому онъ, какъ самъ говоритъ—«составлялъ самое дурное понятіе о бы-

линахъ и пѣвцахъ ихъ». Онъ заподозрилъ даже нѣкоторыхъ сказителей въ шарлатанствѣ, когда до него дошелъ слухъ объ одномъ грамотникѣ, который, «услыхавъ, что Гильфердингъ за пѣвіе платитъ деньги, досталъ въ волостномъ правленіи Олонецкія Вѣдомости, выучилъ нѣсколько былинь, и подъ вліяніемъ слышанныхъ имъ напѣвовъ и былинь, составилъ новые варианты».

Но вотъ въ прошломъ году г. Петрову случилось, по обязанностямъ службы, ѣхать глушью отъ Купецкаго погоста на Водлозеро, въ пудожскомъ уѣздѣ, и столкнуться съ ямщикомъ, пѣвцомъ былинь, Алексѣемъ Ивановымъ съ Рындозера, а въ Лекшмозерѣ—съ 70-лѣтнимъ старикомъ Тимофеемъ Никифоровымъ Брызгуновымъ. Оба эти сказителя не были извѣстны ни г. Рыбникову, ни Гильфердингу. Ал. Ивановъ пропѣлъ двѣ хорошо памятыя ему, перенятыя у дѣда былины: одну—про Соловья Будиміровича, и другую—про Илью Муромца и Соловья Разбойника, и при этомъ пѣніи г. Петровъ впервые оцѣнилъ «всю прелесть былины, чарующее дѣйствіе ея напѣва, красоту и неподдѣльность ея»:

Искренность, съ которою г. Петровъ описываетъ свои впечатлѣнія, внушаетъ полное довѣріе къ его разсказу, а сила испытаннаго имъ впечатлѣнія служитъ лишь новымъ свидѣтельствомъ о свойствахъ тѣхъ условій, при которыхъ эпосъ могъ сохраниться въ такой жизненности въ олонецкомъ краѣ. Читая разсказъ г. Петрова, невольно припоминаешь отзывы Гильфердинга и другихъ собирателей о глубоко наивномъ характерѣ народнаго міросозерцанія олонецкихъ сказителей, какъ и всего населенія, о ихъ вѣрности старинѣ и вѣрѣ въ чудесное, вслѣдствіе чего они относятся къ своему эпосу вполне непосредственно, безъ малѣйшихъ сомнѣній въ истинности повѣствуемаго. Даже то, непріятно поразившее г. Петрова, обстоятельство, что Щеголенокъ замѣнялъ иногда забытыя имъ стихи прозаическимъ разсказомъ, находитъ себѣ

удовлетворительное объясненіе у Гильфердинга. «Изъ разговора съ любимъ сказителемъ» — говорить послѣдній, — «вы сейчасъ увидите, что онъ вполне чуждъ сомнительства, онъ старается пѣть такъ, какъ пѣлъ его отецъ, дѣдъ или учитель; если онъ чего-нибудь не упомянулъ, то либо пропускаетъ, либо рассказываетъ словами; но какъ бы подробно онъ ни зналъ содержаніе какого-нибудь эпизода или цѣлой былины, онъ, разъ забывши, какъ она поется, никогда не рѣшится возстановить ее стихами, хотя при однообразіи эпического склада это казалось бы весьма легко»¹⁾. Это-то благоговѣнное уваженіе сказителя къ обычной формѣ, иначе — къ старинѣ, составляетъ его особенность какъ истинно народнаго пѣвца въ отличіе отъ поэтовъ личныхъ: онъ не воленъ какъ въ содержаніи разсказа, такъ и въ способѣ выраженія, и потому никогда не бываетъ сочинителемъ, но всегда останется только повѣствователемъ. Въ виду всего сказаннаго, приведенный г. Петровымъ примѣръ того крестьянина, который, ради корысти, пѣлъ Гильфердингу былины, ссварьировавъ ихъ на основаніи печатнаго текста, кажется намъ случаемъ исключительнымъ, и даже пожалуй, единственнымъ. Да оно и не можетъ быть иначе, если — какъ замѣчаетъ Гильфердингъ — знаніе и пѣніе былинь не получило вообще въ Заонежьи профессиональнаго характера, но составляетъ во многихъ мѣстностяхъ принадлежность, до тояніе всей массы народа. Если покойный собиратель «Онежскихъ былинь» — какъ намъ случилось замѣтить это въ другомъ мѣстѣ²⁾ — быть можетъ, уже слишкомъ преувеличивалъ фактъ распространенія этихъ расподій во всемъ олонецкомъ населеніи и совершенно отвергалъ замѣченную другими собирателями черту — наклонность самого народа выдѣлять и особливо цѣнить въ своей средѣ мастеровъ пѣть былины («надо особый таланъ, чтобы старинны сказывать», говорили олончане г. Барсову), — то съ другой стороны, было бы непростительною ошибкой считать сказителей — своего рода промышленниками. Разумѣется, это не исключаетъ возможности существованія сказителей болѣе или менѣе искусныхъ, достоинство которыхъ измѣряется большею или меньшею силою производимаго ими впечатлѣнія...

Время и обстоятельства не позволили г. Петрову записать былины отъ Иванова и Брызгунова,

¹⁾ Сивжскія былины, введеніе, стр. XXIII.

²⁾ Въ разборѣ сборника Гильфердинга, въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1873 года.

а равно послушать пѣвцовъ въ Березно-Дубовскомъ погостѣ, о которыхъ говорили ему названные сказители. Заняться этимъ г. Петровъ предполагаетъ при первомъ удобномъ случаѣ. Но за то онъ записалъ со словъ Иванова нѣсколько мѣстныхъ преданій, имѣющихъ тѣмъ большой интересъ, что ими дополняется кругъ сказаній о единственномъ эпическомъ героѣ мѣстнаго олонецкаго происхожденія, о которомъ единственная былина записана покойнымъ Гильфердингомъ.

Героя этого зовутъ Рахтою Рагнозерскимъ по мѣсту его жительства; Рагнозеромъ же называется небольшое озеро и деревушка въ нудожскомъ уѣздѣ, къ юго-востоку отъ Пудожской горы и къ юго-западу отъ Водлозера; поселеніе здѣсь довольно старое; оно упоминается уже въ писцовой книгѣ Обонежской пятины, писанной въ 1582—1583 годахъ³⁾. О знаменитомъ силачѣ Рахтѣ народная былина, по пересказу, записанному Гильфердингомъ въ повѣнецкомъ уѣздѣ, повѣствуетъ слѣдующее:

Какой-то борецъ невѣрный пріѣхалъ однажды въ Москву и сталъ требовать, чтобы князь московскій выставилъ противъ него поединщика, — не то онъ Москву огнемъ сожжетъ. Никто однако не рѣшается вступить съ нимъ въ бой. А на ту пору были въ Москвѣ мужики-балахонники «сизъ-подъ сѣверной старонушки»: провѣдали они про вызовъ и стали говорить:

«Кабы нашъ то же да Рахта Рагнозерскій,
«Этого борца онъ бы нунъ въ кучку склалъ!»

Услыхалъ ту ихъ рѣчь «человѣкъ незнакомый», и послѣ того —

Подхватили мужиковъ да балахонниковъ,
А держали ихъ-то въ крѣпости,

а за Рахтой поскакалъ въ Рагнозеро гонецъ московскій. Не засталъ онъ однако Рахту дома, но нашелъ въ его избѣ какую-то женщину и сказалъ ей о цѣли своего пріѣзда. Женщина отвѣчала ему:

«Какъ изъ лѣсу приде Рахта Рагнозерскій,
«Не серди ты-тко его голоднаго,
«Ай и голоднаго ёго да холоднаго.
«Дай ему волю хлѣба нунъ покушати,
«А тожно ты его да нуньчу спрашивай».

Такъ гонецъ и сдѣлалъ; однако объявилъ потомъ Рахтѣ княжой приказъ, и въ свою очередь получилъ отъ него такой отвѣтъ:

«Я послушаю нунъ князя да московскаго,
«А прибуду я въ Москву да на бореніе,
«Да прибуду нунъ попрежде васъ».

³⁾ Записки Географ. общества, т. VIII, Нёвол и а — О пятинахъ и погостахъ новгородскихъ, прилож. стр. 171.

Рахта отправился въ путь на дыжахъ и скоро обогналъ гонца; прибылъ въ Москву, явился къ князю, и по совѣту подоспѣвшаго между тѣмъ гонца, голодный выпущенъ былъ на борьбу:

Какъ ухватить онъ борца за плечи ли,
Да топнетъ онъ борца о кирпичеть мость,
Сбилъ его всего да въ кучу вдругъ.

И за то князь пожаловалъ Рахту: далъ ему дозволеніицо, чтобы на Рагнозерѣ не ловили мелкой рыбушки безъ Рахтина благословеніица.

Но другому пересказу этой былины, о которомъ Гильфердингъ слышалъ отъ одного кижскаго крестьянина, московскій князь звался Василюемъ, и Рахтѣ, прежде чѣмъ вести его на единоборство, завязали глаза.

Г. Петровъ слышалъ еще пересказъ той же былины отъ упомянутаго выше сказителя Ал. Иванова. Въ общемъ составѣ содержаніе этого пересказа сходно съ записаннымъ Гильфердингомъ, но есть въ немъ и нѣкоторыя дополнительные черты: Когда Рагнозерскіе мужики проговорились въ Москвѣ о своемъ однопоревеніи-силачѣ, ихъ «замѣлили» — поставили на спинѣ кресты мѣломъ. Затѣмъ, когда поединокъ кончился, царь (замѣняющій въ этомъ пересказѣ князя московскаго) шилъ Рахтѣ цвѣтное платье, далъ десять рублей денегъ и велѣлъ гулять. Рахта пошелъ. Замѣтилъ это солдатикъ, остановилъ Рахту на улицѣ и сталъ требовать денегъ. Рахта струсилъ служиваго и отдалъ деньги. Тотъ сталъ требовать платья. Рахта и на это не смѣлъ отказать: зашелъ въ будку, снялъ цвѣтное платье и одѣлъ шинелишку. Приходитъ къ царю; тотъ спрашиваетъ: «А гдѣ жъ у тебя платье и деньги?» Рахта рассказалъ все какъ было. «Ну, гдѣ тебѣ жить въ Москвѣ, Рахта; поди-ка лучше на свое Рагнозеро да лови рыбу».

Кромѣ былины, г. Петровъ слышалъ отъ Иванова еще другіе рассказы о Рахтѣ или Ракхѣ, какъ называетъ его этотъ сказитель. Про силу Рахты рассказывается, что однажды онъ въ одну охпку принесъ лѣсу (копыльевъ, вязевъ и оглобель) на двѣнадцать дровней; въ одинъ день и безъ помощи онъ выкашивалъ всѣ пожни по Рагнуку, что косить теперь цѣлое сельское общество. Пригодились Рахтѣ его необычайная сила и въ семейномъ дѣлѣ: У Рахты была жена, а у жены любовникъ. Имъ хотѣлось извести Рахту. Вотъ жена въ добрый часъ и спрашиваетъ мужа: «Всегда-ли у тебя одинаковая сила, или бываетъ она иногда меньше?» Рахта проговорился, что

когда онъ сотворить съ нею блудъ, тогда сила теряется. Жена воспользовалась этимъ, и Рахту связали. Лежитъ онъ посреди избы связанный, а жена забавляется съ любовникомъ. Приходятъ Рахтины дѣти—дочь и сынишка маленькій. Рахта проситъ подать ножикъ, но дочь не даетъ, говоря, что не смѣетъ, боится богоданнаго батюшки; сынишка же маленькій подалъ отцу ножикъ; онъ нерерѣзалъ канаты, побѣжалъ къ озеру, обмылся, сила возвратилась, и тогда онъ убилъ жену и любовника. Наконецъ, преданіе народное связываетъ имя Рахты и съ исторіей заселенія края: отъ сына Рахты и произошли тѣ Рагнозеры, что жили въ приходѣ, теперь не существующемъ, на Бѣломъ острову.

Вся эта группа преданій о Рагнозерскомъ героѣ представляетъ нѣкоторый интересъ для исторіи нашего эпоса, по крайней мѣрѣ въ отрицательномъ смыслѣ. Вглядываясь въ это сказаніе, легко замѣтить, что оно какъ-бы по частямъ составлено изъ разныхъ мотивовъ нашего эпоса, болѣе или менѣе древнихъ, которые оно приурочиваетъ и примѣняетъ къ личности нашего героя: проявленіе Рахтиной силы въ разчиствѣ лѣса и косьбѣ напоминаетъ подобную же черту въ дѣяніяхъ Ильи Муромца ⁴); борьба съ нехристомъ-поединникомъ имѣетъ много общаго съ былинами о Кострюкѣ-Мастрюкѣ; приключеніе съ невѣрною женой сходно отчасти съ подобнымъ же приключеніемъ Святогора ⁵); наконецъ обиранье Рахты солдатомъ—черта, по весьма вѣроятному предположенію г. Петрова, позднѣйшаго происхожденія—напоминаетъ тѣ многочисленные народные рассказы и анекдоты, въ которыхъ представители деревенской простоты и наивности противопоставляются представителямъ полуобразованія и порождаемой имъ испорченности нравовъ. Съ другой стороны, въ сказаніи о Рахтѣ есть и черты дѣйствительности исторической: то обстоятельство, что онъ является въ преданіи родоначальникомъ позднѣйшаго населенія цѣлой деревни, есть одинъ изъ нерѣдкихъ случаевъ въ исторіи колонизаціи Обонежья, и еще недавно одинъ изъ путешественниковъ, посѣщавшихъ этотъ край, г. Поляковъ, рассказалъ семейную хронику одного крестьянскаго рода, который происходитъ отъ бѣлаго стрѣльца

⁴) Пѣсни Кирѣвскаго, вып. I, прилож., стр. II.

⁵) Пѣсни Рыбникова, I, стр. 38; ср. Илья Муромецъ О. Ф. Миллера, стр. 166—167.

время царевны Софьи, и вынѣ хотя не многочисленъ, но образуетъ отдѣльный поселокъ на берегу Вирозера ⁶⁾). Быть можетъ даже, что самое возведеніе физической силы въ идеаль, независимо отъ нравственнаго содержанія, составляющее основную идею сказанія о Рахтѣ, объясняется до нѣкоторой степени бытовыми условіями жизни въ Обонежь; здѣсь, говоритъ г. Поляковъ, — «оказывается необходимою большая затрата физическихъ силъ для того, чтобы что-нибудь приобрести; трудъ, приложенный къ почвѣ, къ лѣсу, къ рыбной ловлѣ, является утомительнымъ; мускульная сила расходуется здѣсь въ чрезмѣрномъ количествѣ»; при такихъ условіяхъ жизни понятно, что люди исключительной силы играютъ видную роль въ своей средѣ, и что рассказы о нихъ питаютъ народную молву: нѣсколько рассказовъ о знаменитыхъ мѣстныхъ силачахъ записаны и г. Поляковымъ со словъ олонекскихъ крестьянъ ⁷⁾).

⁶⁾ Этнографическія наблюденія во время поѣздки на юго-востокъ олонекской губерніи, стр. 83—85 (отд. оттискъ изъ Записокъ Имп. Р. Геогр. Общества по Отдѣлу Этнографіи, т. III).

⁷⁾ Тамъ же, стр. 165—167.

Разлагая такимъ образомъ сказаніе о Рахтѣ Рагнозерскомъ на его составныя части и выдѣляя изъ него то, что можетъ быть отнесено на счетъ исторической и бытовой дѣйствительности, мы видимъ, что оно почти совершенно лишено оригинальности, а вмѣстѣ съ тѣмъ скудно и въ отношеніи нравственнаго содержанія. Жалокъ и ничтоженъ былъ бы народный эпосъ, еслибъ онъ представлялъ только подобныя произведенія; но въ томъ-то и достоинство эпоса русскаго, какимъ сохранило его намъ Заонежье, что произведенія въ родѣ сказанія о Рахтѣ занимаютъ въ немъ самое ничтожное мѣсто, уступая его инымъ, истинно высокимъ созданіямъ народного творчества. Слабое достоинство этого сказанія, чисто мѣстнаго происхожденія, служитъ доказательствомъ, что вымышлять, сочинять вновь сказители Олонекскаго края мало способны; но за то этотъ самый недостатокъ способности къ самостоятельному, личному творчеству является новымъ и надежнымъ ручательствомъ въ томъ, что сохранный ими древній эпосъ нашъ не подвергся въ ихъ памяти и устахъ существеннымъ измѣненіямъ, а напротивъ уцѣлѣлъ въ своей прежней чистотѣ.

Л. Майковъ.

ДЕПЕШИ

ПРУССКАГО ПОСЛАНИКА ПРИ РУССКОМЪ ДВОРѢ БАРОНА АКСЕЛЯ ФОНЪ-МАРДЕФЕЛЬДА,
1740 ГОДА.

(Переводъ съ подлинниковъ, находящихся въ Берлинскомъ государственномъ тайномъ архивѣ).

16.

Мардефельдъ — королю.

С.-Петербургъ, 22-го октября 1740 г.

Всемилолюбивѣйшій государь! Болѣзнь императрицы приписываютъ тому, что кто-то необдуманно сказалъ ей въ прошедшее воскресенье, что принцесса Анна приобщилась св. тайнъ; это сильно поразило ее, потому что она вообразила, будто племянница ея умираетъ; такъ что подагра, которую она чувствовала то въ рукѣ, то въ ногахъ, вдругъ бросилась внутрь. Это, въ связи съ боязнью императрицы умереть, какъ и мать ея, отъ павшей внутрь подагры, встревожило всѣхъ и заставило опасаться за ея жизнь, особенно послѣ кровавой рвоты. Острая боль въ поясницѣ увеличивала затрудненіе докторовъ, заключавшихъ о присутствіи камня, могущаго сократить ея дни, подобно тому,

какъ это случилось съ ея сестрою, покойною герцогинею мекленбургскою.

Теперь всѣ убѣждены, что они ошибались на этотъ счетъ. Она обыкновенно наблюдаетъ умѣренность въ пищѣ и питъѣ, чего не дѣлали ни мать, ни сестра ея, такъ что всѣ льстятъ себя надеждою, что она достигнетъ глубокой старости. До сихъ поръ ее нельзя считать внѣ всякой опасности, хотя и стараются всѣхъ увѣрить въ этомъ; но я надѣюсь, что, съ Божіей помощью, ко времени отправленія обыкновенной почты, она окончательно оправится.

Въ ночь съ понедѣльника на вторникъ, всѣ майоры гвардіи, равно какъ и фельдмаршалъ, кабинетъ-министры, оберъ-гофмаршалъ и другія знат-